

Есть такие места. Сокровенные. Незабываемые. Места-открытия. Места-острова.

Путь к ним лежит через сердце. Через лабиринты и извилины разума в чащи и завалы памяти. К ним можно. Но иногда и не надо, и не нужно трогать то, что дорого, памятно, знаково. О них забывают. И достают свои воспоминания, как бриллиант. Редко. Полюбоваться. Посмаковать. Пережить. В тишине. В одиночестве. Практически и всегда...

А хочется пройти. Прийти. Привести. Как к алтарю. С дрожью и нежностью. Звонящей струной души... У каждого...

Вот один такой остров и затерян в лесах моей памяти под маленькой станцией Ерцево. Среди шумящих морем лесов Севера, вдали от песен, выбиваемых чугунными колесами вагонов и поездов, рёва военных машин и лая собак. Среди далёкой и первозданной тишины...

Это лето началось как обычно. Со смеющихся ручьёв воды; падающих, звонящих сосулук; с грохота сходящих снежных лавин, оставляющих без печных труб враз опустевшие крыши; затопленных и плавающих в огромных талых озёрах, почерневших от времени деревянных мостков; в одно утро вспыхнувших ковром, в лесу жарких – лесных северных подснежников.

Это на юге пять градусов тепла – холод, а тут, на севере, и позагорать можно. Тепло, но опасно. Обманчива природа. Но появились у домов серые столбы мелких зудящих комаров – всё! Лето! Весна прощается – разливается озёрами и морями. Быстро и ненадолго. Лёд на реке потрещит, потрещит, да и поплывёт по бурлящему течению в неведомые страны – до первых кустов ивняка. Там и шумит, и стонет, и поёт. Пока не пропадёт, не иссохнет, не выплachtetся. Никто и не увидит. Всё быстро. Лето же. Маленькое, внезапное и жаркое.

Витька Яров прибежит, посвистит у окна. Лохматый, чумазый, шустрый, смешливый и весёлый. Со шлейфом из местных пацанов и девчонок. Выманит на улицу, и мы уже бежим к реке. В надежде успеть на эти льдины. А кому не хочется покататься на огромной, в метр толщиной, а то и поболее, льдине? А!? Не успели! И хорошо. А то, после того как с парашютом, сделанным из маминоного зонтика, прыгали с моста, мягкое место – точка приземления – болело долго. Зонтик сломался, мне задницу ремнём надрали, а ему ничего – он на другом конце посёлка живет. А вообще, с ним интересно. Всё и всех знает. Где, что и как – помнит. Со всеми... Да он и с собаками-то общий язык находит, что там про людей говорить. В школе этому не учат. Это природа.

Лето бежит быстро. Каникулы ещё быстрее. А когда на дворе сплошной день? Когда бегаешь, бегаешь, а темнее не становится и не становится? Воды из колодца дырявым полуржавым ведром наберёшь, напьёшься, пока зубы не застынут, и снова бегать, оставляя жестянку на скамье брызгать тоненькими струйками-фонтанчиками и сочиться на радость пчелам. Устаёшь, ноги заплетаются, падаешь, а домой идти жалко – светло же! А придёшь домой, а на часах уже утро. Нырнёшь под одеяло по-тихому, чтобы никто не увидел и спишь до обеда. И так всё лето, до сентября. За лето –

всё и везде. И купалки, и рыбалки, и банки, и ножички. От Ерцевской плотины до коровников Пятнадцатого посёлка. Время бежит быстро. Мама всё чаще напоминает о школе. А тут по программе «Время» объявили о том, что скоро на нас упадёт солнечное затмение! Ну не совсем упадёт, но причлится. Вот вы видели его? Затмение? Мы – нет. Но загорелось. Очень. Книжки про то, как и что происходит, как и куда смотреть, прочитаны. Осталось дожидаться. А тут Витька:

– Неинтересно!

– Что не интересно?

– Ну, увидим. И что?

– Как что? Затмение солнечное! Оно же бывает ооочень редко! А мы увидим!

– Правильно! Ты увидишь, я увижу, все увидят!

– Тебе что, жалко, что ли? Пусть видят!

– Да не! Пусть смотрят. Не жалко. А вот в школу придём и будем писать сочинение: «Что я делал летом». Каждый год заставляют писать одно и то же. А тут затмение!

– Ну и напишем про затмение!

– Вот так все и напишут. И будет у всех опять одно и то же сочинение.

– Ну и пусть.

– Ну, должно же что-то в памяти остаться?

– Затмение и останется!

– Вот оно у всех и останется. Одно и то же. А хочется, чтобы наше было лучше.

– Вить! Ну как ты сделаешь для нас другое затмение? Оно у всех одинаковое. Солнце – оно одно!

– Да... А давай мы пойдём на рыбалку, и на рыбалке встретим затмение?!

– Рассмешил! Ну, будем сидеть на реке у моста, как два дурака, и смотреть. А на мосту полпосёлка сядет. Да мы за ними даже неба не увидим.

Витька помолчал. А потом выдал:

– А мы на речку не пойдём! Мы на озеро пойдём.

– Какое ещё озеро?

– Онтяповское! Тут недалеко. Там и рыбы много. И затмение никто не помешает смотреть. Вот и будет у нас солнечное затмение на рыбалке! И такого ни у кого не будет.

– Что-то я о таком и не слышал...

– Да здесь недалеко! Я знаю!

– Родители не отпустят...

– Отпустят! Ты своим скажешь, что пойдёшь со мной, а я своим – что с тобой! Точно отпустят!

– Ага! Непонятно куда. Непонятно зачем. Неизвестно на сколько. Это куда идти надо?

– Да это в лесу. Мы заодно и грибов собираем! Там знаешь, какие там грибы?! Выше берез!

– Ага! Как только я маме расскажу про грибы выше берёз, она меня в больницу отвезёт, а не на озеро!

– Ты что! Не веришь?!

– Да конечно нет!

– Хочешь, поспорим?

– Да не хочу я с тобой спорить! Про солнечное затмение попробую, а про грибы не скажу. Ты своим тоже не говори...

А родители отпустили!

Ну конечно, куда идём – знаем. На Онтяповское озеро. Там и рыбу можно половить. Мужики туда всегда рыбалить ходят. Ну, так Витька сказал. Да и до озера-то – рукой подать. Раз – и на месте. Ну, он тоже так сказал. А я про это озеро в первый раз только сейчас и услышал.

С вечера приготовил пакетики с супом. Суп такой, быстроваримый. Дома всегда варил. Папа получал на продпаёк, в части. Кастрюлю с водой на плиту поставишь. Дров подбросишь, чтобы быстрее закипела. Картошки нарежешь, посолишь и ждёшь. Как побурлит минут пятнадцать, пакетик вскроешь и всё содержимое в кастрюлю. Бух! Запах!!! Там и морковь, и лук, и мясо какое-то сушёное, приправы-травы. А ещё звездочки. Маленькие такие. Ну как макароны, только звёздочками. Зажаривать не надо. А вкус – объеденье. От запаха только захлебнуться слюной можно. Особенно с голода. Так что пригодится. Ну, ещё ножик перочинный. От волков и медведей. И спички, читал, что

в лесу самое главное – спички. Чтобы костер разжечь – погреться, добычу пожарить, поесть. Ну и, конечно, осколки от битой, коричневой бутылки. На солнце чтобы смотреть и не ослепнуть. Ну, так в книжке написано. И себе, и Витьке. Он точно не возьмёт.

А в три утра глаза щёлками, как у японцев, не открываются. Щёлочки проснулись, чтобы не врезаться во что-нибудь, а остальное спит. А рано, но затмение в шесть утра – надо успеть. Доползти. Не упасть, не столкнуться. Дойти.

Как хочется спать! А идём! Заплетаюсь тянущимися ногами по мокрой, росянистой траве. Огибая зелёные можжевельниковые колючие шары. С опаской – за ними иногда козы пасутся. Это их место. Они бодучие и кусучие – здесь бродят, обгладывая колючий кустарник, не давая ему расти вверх, по нормальному. Вот он и сворачивается, словно ёж, в шар. А они едят и едят. Ненасытные и рогатые. Их даже волки боятся. Надо быстрее в лес. Туда они не ходят, а значит, бодать-кусать некому будет.

Настороженный лес встречает стеной угрюмой. Бросает в лицо росу листьями – проверяет на настойчивость. Сон проходит этим холодным душем. Глаза открываются. Просыпаются. Сквозь бурелом пыхтим. Натыкаемся. Уклоняемся. Молчим. Ворчим. Но чем дальше в лес, тем легче и чище. Витя ведёт вперёд. Что он тут в полумраке утреннем видит?! А по мне так кругом всё одинаковое. Стволы. Деревья. Ветки. Кусты. Мох. Учебник по природоведению тут не поможет. Ну, увидел мох на дереве. И что? Ну, север там. Ну, юг здесь. И что это даёт? Что даёт это знание сторон света? Ну, дождусь ночи и найду на небе Полярную звезду? Ну, она на Севере. И я на Севере. А зачем мне туда, где холодней? Мне надо на озеро. Или домой. Где тепло. Продрог так, что уже на затмение идти и не хочется. А назад неловко. Да и где этот зад? Тут с Витькой такие круги-петли нарезали, что, наверное, и он не знает куда идти. Но он впереди. Что-то рассказывает. Молчит. Прислушивается. Смеётся. Идёт и идёт. А я за ним. По мягкому мху. По хрусту сухих веток. Молчу.

Мох. Останавливаемся, и на мох, – отдых. Лежим. Дышим. Пускаем пар ртом. На ковре. На влажной и холодной, но мягкой обволакивающей кровати. С жучками, паучками, комарами. Ползающими и молчащими. Вокруг темнота леса. Ели, лапами давящие на голову, прижимающие к земле. Посыпающие иголками. Неба и не видно. А мы – два лесных, копошащихся муравья. Отмахивающиеся от попыток согреться на нас насекомых. Отплёвывающие хвоинки, попавшие в рот. Лежим.

Как-то незаметно. По-свойски. Словно десять лет на «ты». Лес. Уже не пугает темнотой. Не пытается заставить дрожать упавшей на голову каплей росы. Не вздрагивает хрустом сломанной ветки. Не бьёт, не стегает. Обнимает. Листочком, хвоинкой, стебельком. Толстые стволы елей притягивают природным теплом и умиротворяющим, успокаивающим, примиряющим запахом смолы. Готовые укрыть и спасти.

Когда лёг. Когда замер. Закрыв глаза. Растворился и полетел. Раз! И всё вокруг оживает. Наполняется звуками, запахами. То, что раньше пугало и страшило, становится мило и дорого. По-родному. Лишь иногда, когда хрустнет что-то рядом-вдали. Смолкнут, как по команде, все звуки. Замрёт лес от зверя далёкого-близкого. Ненадолго. На секунды. На полстучка сердца.

Сжимаю в кармане ещё вчера казавшийся грозным оружием нож. Ножичек. Им-то от волка или медведя не отбиться. Даже не поцарапать.

– Вить! А если медведь выйдет, то что делать будем? От него же не убежать!

– Что боишься?! Не бойсь – он вонючих не трогает!

– Каких вонючих?

– Понятно каких – нас!

– Да мы вроде не воняем...

– Когда он выйдет, то будешь! Штаны полные сделаешь и будешь!

Витька рассмеялся:

– Да и я тоже. Чтобы запах посильней был. Вдвоём медведя отпугивать сподручнее и надёжнее.

Да и если убежать, то он след не учует, а учует – то не догонит.

– Почему не догонит?

– Потому что скользко бежать за нами будет!

А потом, отсмеявшись, по-серьёзному:

– Тут свои правила. Вот ты идёшь, идёшь – вокруг ёлки, палки, холод. И ничего. Ничего не видишь. Ничего не слышишь. А ты прижмись к дереву, как к маме. Посмотри и послушай. Если будешь лес уважать – он тебя и прокормит, и спасёт, и защитит.

– От медведя? От волка? Не смейся!

– Хорошо. Вот если никому не скажешь, что-то покажу...

– Ну, покажи!

– Не расскажешь?

– Да нет! Показывай!

– Ну, смотри!

Витя встал, огляделся и, словно что-то увидел, пошёл за большую толстую ель.

– Иди сюда!

И когда я подошёл, он, указывая на землю, пробормотал:

– Наверное, здесь!

И встав на колени, стал аккуратно раздвигать мох.

– Смотри!

– И что?!

– А! – Витя махнул рукой и из мха вытащил что-то завернутое в почерневший брезент. Развернул, а в ней – обрез двуствольного ружья. И длинные жёлтые столбики патронов.

– Вот! От медведя. И идиотов. Понял? Здесь такого много попрятано. Вон, смотри – метка на дереве. Где такая есть – то там и спрятано что-нибудь. Чтобы выжить. Или для охоты. Тут, говорят, ещё с войны немецкое оружие осталось попрятанное. Десант сбрасывали фашисты. Вот где-то и лежит. В посёлке не спрячешь, а здесь кто искать будет?! А если и найдут, то и хозяина у него нет. Всё по-честному. А лучше никого не бояться, никого не пугать – тогда всё будет хорошо. Звери – они просто так не тронут. Они же не люди...

От увиденного, от доверенного, от непознанного – ошеломлён. От другого мира, который, не зная, не заметишь. С легкой досадой, что Витька посвящён в эти тайны, а я нет. Видит знаки, слышит лес и не нужен ему ни мох на дереве, ни Полярная звезда с медведицами. Идёт себе и идёт.

А Витька в это время аккуратно упаковывал обрез в ткань.

– Нам он не пригодится, а кому-нибудь и жизнь спасёт. А ты забудь...

Забудь..., да я через минуту после того, как он всё спрятал назад, уже бы и не нашёл это место...

Пошли... Молча...

Уже захотелось есть. Пощупал пакетики с супом...

– Вить! Стой!

– Чего?

– Слушай! Мы с тобой на рыбалку пошли?

– Пошли!

– А удочки-то мы не взяли!

Витька посмотрел на меня и давай смеяться:

– Рыболовы!

Было не смешно. А кушать-то что? И назад вернуться обидно – полпути точно прошли!

– Ладно! Не умрём! Выживем!

Хотелось ему верить, но кушать уже хотелось. Очень.

– Потопали!

Лес отошёл, расступился облаками, спрятавшими и небо, и солнце, и затмение. Перед безбрежной белой поляной. Нехотя. Цепляя ветвями, удерживая теплом деревьев. А холод в лицо, со всех сторон – туманом. Сползающее одеяло утра. Хочешь наступить на краюшек, а он расступается и ускользает. А стоит убрать ногу – сразу заполняет, прячет, проверяет, обнюхивает, изучает твой след. Рукой хочешь ухватить эти холодные космы – а они тают и тут же смыкаются за тобой. Закутав в белоснежный шар, ведут и путают, сопровождают и не отпускают. До обрывающейся тиши парящей воды. Без дальнего берега, запрятанного белоснежными клубками лесного и небесного творцов.

– Ураааа!!!! Пришли!!!!

Эхо неохотно отразилось от деревьев за спиной, прорубило в этом белом убранстве тоннель, обнажило почерневшие от времени, блестящие от тумана, влажные брёвна деревянного сруба.

– Избушка, избушка! Отвори двери, приюти и накорми...

Приютила. Запахами прогоревшей и остывшей печки, золы, трав, древесного и устоявшегося мужского пота, полумраком. Стол, лавки, по стенам полки. Всё из дерева, топором рубленного.

В углу закопчённые чайник, кастрюля. В другом – обычная буржуйка, обложенная булыжниками, с трубой, уходящей в стену. Какая-то запыленная одежда на гвоздях, маленькие вязаночки трав, приветливо покачавшихся на наше появление. Чисто, просто, надёжно.

Витя по-хозяйски прошёл в сруб и пошарил рукой на одной из полок:

– Есть!

Показал мне ладонь со спичечным коробком:

– Крючки! Рыбу ловить будем.

Леска нашлась тоже. Намотанная на кусок газеты, сложенной в несколько слоёв. Удилища срублены из куста орешника. Неподальёку. Топором, взятым из избушки, вырванным из ленивого окружения ножей, вилок, ложек и посуды. Из скромных запасов соли, сахара, круп. Неделю можно жить!

На берегу, почти до краёв наполненная водой, ждала лодка. Огромная и плоскодонная. Ждущая и манящая в путь пиратским кораблём. Но без мачты.

Эх! Давай черпать-вычёрпывать. Мокрые, разогретые и парящие. Вёсла нашли. Чайник, кружку забросили и вперёд! К открытиям и свершениям. Викингами. Дикими и просвещёнными. Вглядываясь в даль. Разрывая взглядом белую вуаль утра. Угадывая и прокладывая курс. Задуматься бы: откуда столько водицы...

А там, за туманом – затмение!

Туман. Загадка и тайна. Всё спрятал. Всё укутал. Другого края озера и не видно. Да и этот тоже стал таять, темнеть, угадываться, исчезать. И всё вокруг стало белым-бело. Только чёрная вода под нами и вокруг. Словно летим. Словно парим. Словно в космосе. Но солнца нет. Не видно. Угадывается по загоревшейся золотом, кромке чёрных верхушек, проявляющихся ото сна, деревьев. Где-то вверху. И всё! К белому, синему и чёрному цветам утро добавило жёлтый. Яркий. А мы исследователи. Мы первопроходцы. Мы открыватели неведомых земель и миров. Рыбачим. На хлеб. Из-за пазухи. Вкусный. Ароматный. Очень. А поплавки из сухих, еловых сучков лежат на воде, мокнув – не проснулись. А холод через мокрые ноги и руки уже начинает пробираться за пазуху. Заставляет вздрагивать и дрожать. Молчим, клацаньем зубов отпугивая рыбу. Грызём потихоньку, по крошечкам, захваченную из дому корочку хлеба. Таем её во рту. Гоняя языком. Так теплее. Сытнее.

Деревянный поплавок вдруг незаметно, но уверенно потянуло в сторону. Замер. Снова пошёл. Опять замер. Дрогнул. Слегка. Погрузился... Нет, притопился, до легких, почти невидимых кругов по воде.

– Смотри! Смотри! – зашипел Витька, толкая меня под руку. – Смотри! Счас дёрнет!

– Отстань, ты! – шиплю гусем в ответ.

А поплавок словно услышал. Замер.

– Вот что ты под руку говоришь! Я что, не вижу?! – разозлился я.

И тут сучок-поплавок без всяких заигрываний. Бульк! И утонул. От неожиданности со всей силы рву удилище вверх, выхватывая желтопузого карася из озера. Только в своём полёте он не остаётся на крючке и срывается... В лодку! Ух! Плюхается, в остатки невычерпанной и неизвестно откуда набравшейся воды, и начинает шлёпать звонким, утреним звоночком, извиваясь и подпрыгивая.

– Первая!

Нет ничего сильнее ревности рыбака. Особенно когда не клюёт, а у соседа всё хорошо. Сядет и ворчит, про себя. Сплёвывает и ругается. Начинает искать глазами новое, более удачливое место. И между делом подбрасывая свой крючок в то место, откуда сосед вытащил свою добычу. Глазами поедая бьющуюся рыбку, досадуя про себя, что упала в лодку, а не в воду. Даже говорить ничего не надо. На лице всё написано. Крупными красными буквами. Эх! До первой. Своей.

А тут такое началось! Рыба просто сорвалась, как с голодного края. Распробовала! Поплавки ещё не успевали лечь на воду, а уже устремлялись в темноту озера с захваченными крючками во рту. И всё. Чёрная дыра рыбалки. Поглотила. Остановила и время, и пространство...

Туман рассеивался. Солнце бледным пятном пробилось сквозь туман над тёмной каёмкой леса. Ненадолго. А над туманом нависли тёмные тучи. И мелким робким дождиком намекнули о том, что солнечного затмения можно и не увидеть. А уже не до него. Рыбы наловили! Пол-лодки. Наловили. Да вот только не заметили, что с рыбой в лодке и воды-то побольше стало. Пришлось бросить удочки и черпать-вычёрпывать. А лодка медленно, но уверенно наполнялась. Смешки утихли. И кружка, и чайник не справлялись. Вода прибывала. Сквозь щели невидимые. Рыба, метавшаяся в лодке,

уже не радовала – раздражала. Мешалась и выбрасывалась с водой. Тяжеленные, вырубленные из брёвен вёсла лежали вдоль бортов. Лодку кружило и несло. Неторопливо. Почти незаметно. Просто. Буднично. То ли течением, то ли ветром, то ли мыслью. Пар от разогретых, борющихся за жизнь тел, смешивался с туманом. Становился его частью. Озеро готовилось забрать нас. И с рыбой, и с алюминиевым чайником, и с металлической кружкой. На дно. Водичка захватила и своим холодом, словно щупальцами, по ногам, отхватывала сантиметр за сантиметром. Тихим холодным ужасом подбираясь к сердцу. Туманом погружаемой в воду лодки.

Тихий безмолвный страх утра, наполняемый плеском вычёрпываемой воды, нашим тяжёлым дыханием. Уставшими, немеющими руками. Сводящими, закручивающими от напряжения судорогами пальцами. Тонуший корабль с двумя крохотными капитанами-матросами. Выстукивающие зубами сигнал о помощи. Черпая и гребя. Незнание, укутанная туманом.

А потом лодка врезалась в берег. На издыхании. А мы с Витькой вцепились в заросли голубики, раздавливая задубевшими пальцами синие ягоды кровавым муссом.

– Земля!!!!

Спасение!

Вылезли на берег. Затащили цепь. И упали. Смеясь. От счастья спасения и передышки.

Недолго.

Земля оказалась небольшим островом с росшей посередине обглоданной жизнью и ветром ёлкой, с эмалированным ведром, помятым и разукрашенным ржавыми пятнами, болтающимся на её обломанном суку, и зарослями голубики вокруг. Клочок земли. Десять на пятнадцать. Необитаемый остров, спасший нам жизнь. Накормивший до одури голубикой. С голодухи. От нервов.

Ураааа!!!! Мы Робинзоны! Самые настоящие! На самом необитаемом острове мира!

Но холодно. Одежду сняли. Выжали, скручивая в четыре руки.

Но холодно. До цоканья зубов. До дрожания каждого сантиметра тела. До волос дыбом.

Холодно.

А ни солнца, ни его затмения. Туман хоть и начал отступать, солнца не освободил. А тепло только в виде ниток пара над водой. Не греет.

Останавливаться нельзя! Лето не лето, а замерзнуть можно и на сковородке.

Лодку чуть подтащили, вытянули нос на берег. Витька взял ведро и стал вычёрпывать воду. Ведром то ведь сподручней, чем кружкой. Масштабы другие. А я в чайник – голубики. Чем-то же надо заняться.

Из рыбы в лодке осталось с десятка три жирных карасей, сверкающих благородной чёрной желтизной. Ну, ещё пара кружек воды. Витя постарался.

К этому времени растаявший туман обозначил темной полоской края озера. Показал ближайший путь к спасению.

Виктор повесил спасительное ведро обратно на сук.

– Может ещё пригодиться здесь. Поехали.

Оттолкнувшись веслами от берега, мы с карасями и голубикой покинули свой первый необитаемый остров. Не знаю, как там Робинзон, но мы бы долго на нём не протянули. Даже если бы у нас были спички, то дерева надолго бы не хватило. Замерзли бы. Даже летом. Негде скрыться на нём от холода воды и тумана. Негде. А вода ледяная. Почему-то.

Догребли до ближайшего берега и уже вдоль, чтобы не рисковать, отталкиваясь от берега вёслами, вернулись в точку отправления.

А какой замечательный супчик со звездочками! Ароматный! Обжигает! С дымком. Ну, такого дома не сварить. Никогда! А костёр, какой ласковый и добрый! А одежда от его доброты сохнет и парит. Парит и сохнет. Какое же это счастье смотреть, как пламя съедает сухой валежник. А ты кидаешь ему в пасть, кормишь, стреляющего, дымящего, ненасытного. С благодарностью и почтением. Уклоняясь от вылетающих угольков.

А на десерт – компот из голубики. Черпанул чайником воды из озера – разбавил ягоды водичкой. И на костёр. Закипел – и компот готов. Без сахара, конечно, много не выпьешь, – скулы от кислоты сводит – не разжать. Глаз не отворить. Но горячий.

Подсохли. Обмякли. Сытые и неповоротливые. Даже комары не замечают. Неинтересно с нами.

– Может, пойдём грибов пособираем?

– Не хочется. На обратной дороге поищем.

– Да сейчас пошли!

– Ага! Возьмём один гриб выше берёзы и потащим через лес домой! Не смейся! Лучше полежим.

– Ты что!? Не веришь!? А ну пойдём!

Виктор вскочил и потянул меня в лес. В сторону, противоположную той, откуда мы пришли. Хоть и лень, а пошёл. Посмеяться.

А лес оказался не таким и большим. Он снова оборвался, обнажив огромную поляну, усыпанную грибами. Поле грибов. Больших и маленьких. С огромными шапками и тонкими ножками. Серыми кругами в серебряном мху. С точками красных мухоморов и разноцветных сыроежек. В зелёных нитях лета, пробивающихся сквозь шляпки местных щеголей.

– Ну как тебе?

– Здорово! Столько грибов, а у нас некуда их собирать.

– Да я тебе не об этом! Видишь, что грибы выше?

– Кого?

– Да берёз!

– Каких?

– Наклонись и посмотри.

Зелёные ниточки, пытающиеся вырваться из грибного плена, оказались уменьшенными веточками берёз. Маленькие тёмные листочки. Как у мать-и-мачехи – тёмные и жёсткие сверху и бархатные и светлые снизу, только с ноготок...

Грибы действительно оказались выше берёз. Пусть карликовых, но выше! Не обманул. Хорошо, что не поспорил.

– Надо у дома посадить!

Витя ухмыльнулся:

– Ну, выкапывай. Сади!

Потянул за веточку. В надежде вырвать с корнем. Полметра вытянул, разорвав мох, но корня не нашёл. Стал тянуть дальше. А берёза рыболовной сетью с огромными ячейками выползала из мха. Сломать тоже не получилось – она оказалось на редкость гибкой и крепкой. А в глубине, под сетью берёз, оказался лёд. Огромной плитой без начала и конца, – среди леса огромный, плоский айсберг, покрытый мхом, грибами и сетью карликовых берёз.

– Это вечная мерзлота, она пятнами здесь. И озеро, наверное, тоже. Лёд растаял, потому и вода постоянно холодная, и глубина неизвестная... Так бывает в мерзлоте.

А берёза тянулась и тянулась. словно верёвка. Притаилась в пласте мха. Как в шубе. А куда ей деваться, если внизу холод и сверху не жарко. Золотая, тёплая серединка.

В какой-то дымке прошли сборы домой: аккуратно снята леска с удилещ и аккуратно спрятана на прежнее место; откусаны крючки; вылит компот из чайника; вымыта и разложена на место посуда; все оставшиеся припасы – соль, суп в пакете, спички – уложены на полки. На лавку – стёкла бутылки: вдруг кому-то пригодятся смотреть на солнечное затмение. Может, кому повезёт побольше нашего! Дверь в сторожку закрыта и надёжно подпёрта бревном. Всё!

Выпущенные караси лежали на отмели и потом неторопливо растворились в черноте озера. Даже не шлёпнув хвостом по воде, за свободу. Неблагодарные. Как и облака, так и не выпустившие солнышко для затмения. Как и туман...

Пошли.

Домой.

Затмения ещё были. И не одно. Ещё были сочинения в школе. И не одно.

Но этот мир мне приоткрыли только на один день.

День, в котором я был викингом, Робинзоном, первооткрывателем, терпящим бедствие, замерзающим полярником, отчаянным первопроходцем и пиратом...

День моего повзрослевшего детства.

День, в котором мечтал стать художником.

У заброшенного озера.

У забытого посёлка в лесу.

У стучащей колёсами и гудящей рельсами станции Ерцево.

В моей школе детства...